

УДК 159.9

Симатова О. Б.

Забайкальский государственный университет
672039, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александро-Заводская, д. 30, Российская Федерация

ФЕНОМЕН САМОЗВАНЦА У СТУДЕНТОВ ВУЗА, ИМЕЮЩИХ ОПЫТ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СЕМЕЙНОГО НЕГЛЕКТА

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение феномена самозванца и его интрапсихологических составляющих у студентов вуза, воспитывавшихся в условиях эмоционального семейного неглекта.

Процедура и методы. Исследование проводилось с применением методов анкетирования и психодиагностического тестирования.

Результаты. Выявлены достоверные различия выраженности феномена самозванца, а также уровня мотивации достижения успеха, избегания неудачи, социального одобрения и склонности к прокрастинации у студентов, подвергшихся эмоциональному неглекту в родительской семье, а также у студентов из семей без признаков эмоционального неглекта.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование вносит вклад в понимание деструктивной сущности феномена самозванца, препятствующей полноценному психическому развитию личности и эффективности её деятельности. Результаты исследования могут быть использованы для определения оптимальных мишеней превентивного воздействия с целью повышения социальной эффективности личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мотивация достижения успеха, мотивация избегания неудачи, мотивация социального одобрения, неглект, прокрастинация, феномен самозванца, эмоциональный семейный неглект

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Теоретико-методологические аспекты проблемы феномена самозванца](#)

[Организация и методы исследования](#)

[Результаты эмпирического исследования и их обсуждение](#)

[Закключение](#)

O. Simatova

Transbaikal State University

ul. Alexandro-Zavodskaya 30, Chita 672039, Transbaikal Region, Russian Federation

THE IMPOSTOR PHENOMENON IN HIGHER EDUCATION STUDENTS WITH AN EXPERIENCE OF EMOTIONAL FAMILY NEGLECT

ABSTRACT

Aim. To study the impostor phenomenon and its intrapsychological components in university students who were brought up in conditions of emotional family neglect.

Methodology. The study was conducted using questionnaire methods and psychodiagnostic testing.

Results. Significant differences in the severity of the impostor phenomenon were revealed, as well as the motivation for achieving success, avoiding failure, social approval and procrastination among the students who were exposed to emotional neglect in the family and the students from families without signs of emotional neglect.

Research implications. The research contributes to the understanding of the destructive function of the impostor phenomenon, which hinders the full mental development of the student's personality and the effectiveness of its activities. The results of the study can be used to determine the optimal targets of preventive action in order to increase the social effectiveness of the individual.

KEYWORDS

motivation to achieve success, motivation to avoid failure, motivation for social approval, neglect, procrastination, impostor phenomenon, emotional neglect in the family

ВВЕДЕНИЕ

Феномен самозванца уже достаточно длительное время изучается в рамках различных отраслей научного знания. При этом исследователи пока не смогли выработать единый междисциплинарный подход, который бы позволил убедительно раскрыть его этиологические, патогенетические, симптоматические и другие аспекты [1; 16; 17; 21]. Некоторые исследователи подвергают сомнению само существование данного феномена, но при этом существование таких психологических характеристик, как мотивация социального одобрения, достижения успеха и избегания неудачи, склонность к прокрастинации, выступающих проявлениями феномена самозванца, не вызывает сомнения в научном сообществе. Достаточно широкая распространённость данного феномена среди людей, не имеющих каких-либо патологических отклонений, и негативное влияние на психическое развитие и социально-психологическую адаптацию личности обуславливают высокую научную актуальность и социальную значимость настоящей проблемы.

Кроме того, современные тенденции в отношении творческой самореализации личности в самых различных сферах жизни, эффективности и рентабельности её деятельности, стремления к достижению успехов диктуют

необходимость понимания прежде всего интрапсихологических составляющих данных процессов. При этом подавляющее большинство исследователей указывает на деструктивный характер феномена самозванца в отношении развития, деятельности и поведения личности. В связи с этим возникает необходимость комплексного изучения феномена самозванца, его детерминации, психологических механизмов, проявлений, сложных взаимосвязей с различными психологическими особенностями личности.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ФЕНОМЕНА САМОЗВАНЦА

Старт изучению феномена самозванца в 70-х гг. прошлого века дали исследования П. Клэнс и С. Имс, которые впервые описали его как «синдром самозванца», сущность которого определялась через субъективное ощущение сомнения человека в собственных интеллектуальных способностях [18]. В целом ряде последующих исследований авторами использовался и используется в настоящее время именно термин «синдром самозванца». Мы же разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают, что данный термин является не вполне корректным и не соответствует современным представлениям о сущности рассматриваемого феномена. Во-первых, в современной клинической психологии под синдромом подразумевают совокупность симптомов, которые закономерно проявляются вместе и объединены общим этиологическим началом. Результаты же исследований феномена самозванца последних лет не подтверждают наличия одной причины его возникновения и развития. Во-вторых, результаты исследований доказывают факт наличия феномена самозванца у достаточно большого количества людей с отсутствием каких-либо патологических отклонений. Именно поэтому в настоящей работе нами будет использоваться более корректный и наиболее полно отражающий сущность предмета исследования термин «феномен самозванца».

В современной науке феномен самозванца рассматривается в целом ряде концепций при отсутствии единого подхода к его природе, проявлениям и последствиям для развития и социально-психологической адаптации личности. В обобщённом виде сущность развернувшейся научной дискуссии, на наш взгляд, можно определить как ось, полюсами которой выступает рассмотрение феномена самозванца, с одной стороны, как специфической личностной характеристики, а с другой – как варианта эмоционального состояния личности [1; 18].

Исследователи указывают на целесообразность рассмотрения феномена самозванца как определённого дискурса, сложившегося в специфических условиях развития современного общества [1, с. 35–36]. В качестве таких условий авторы называют: смещение ценностных ориентаций в сторону успешности, продуктивности, профессиональной и личностной самореали-

зации; стремление к соответствию определённым стандартам внешности, сохранению здоровья и молодости; виртуальную социализацию личности, характеризующуюся высокой степенью контраста при сравнении собственной жизни с жизнью других людей; изменение характера общения; культ социальной и профессиональной конкуренции и т. д. [1, с. 36; 14; 17]. Эти и другие условия развития современного общества способствовали значительному расширению масштабов и скорости распространения феномена самозванца с его проекцией не только на профессиональную сферу жизни человека, как это было в самом начале изучения феномена, но и на сферы супружества и родительства.

Несмотря на отсутствие единого научного подхода к феномену самозванца, практически все исследователи указывают на негативное влияние рассматриваемого феномена на развитие и социально-психологическую адаптацию личности. Исследователи говорят о феномене самозванца как о болезни, направленной на саморазрушение, об особом неврозе, приводящем к дезадаптации, о состоянии, препятствующем психологическому благополучию человека [1; 14; 16; 17]. В числе проявлений, составляющих картину феномена самозванца, исследователями отмечены следующие моменты: постоянные сомнения человека в собственной компетентности в различных сферах жизни; обесценивание положительной обратной связи в отношении собственных достижений; высокий уровень тревожности; склонность к депрессии; педантичность и скрупулёзность; склонность к прокрастинации; потребность быть самым лучшим; низкий уровень мотивации достижения успеха и страх неудачи; когнитивные искажения в отношении возможности незатруднительного выполнения любого задания; чувство вины на фоне успеха; страх разоблачения; наличие определённой динамики эмоционального состояния и поведения при выполнении задания (так называемый цикл самозванца); неспособность связать успехи с собственными усилиями, характеристиками и качествами и др. [1; 14; 17; 18]. Исследователи указывают на то, что люди с феноменом самозванца испытывают высокий уровень стресса, более склонны к профессиональным деструкциям, психическому выгоранию, не испытывают удовлетворения от профессиональной и другой деятельности [1; 14].

В качестве детерминационных механизмов возникновения и развития феномена самозванца исследователями рассматриваются условия семейного воспитания, интрапсихологические условия (ценностно-мотивационные и эмоциональные особенности, свойства характера, личностные качества и т. д.), специфика гендерных, расовых, национальных и социальных свойств личности [1; 17; 18].

Среди условий семейного воспитания, способствующих развитию феномена самозванца, исследователи отмечают: практику сравнения родителями ребёнка с более успешными сиблингами; неадекватное преувеличение ро-

дителями способностей ребёнка и создание вокруг него атмосферы похвалы и восхищения; культ интеллекта в семье; завышенные родительские ожидания; ориентацию только на успех и продуктивность ребёнка; отказ ребёнку в праве совершать ошибки и т. д. [1, с. 33–34].

При рассмотрении интрапсихологических условий учёными описаны типы личности, склонные к развитию данного феномена, среди которых называются: перфекционисты с завышенными притязаниями; эксперты, которые опасаются выглядеть глупо или ошибиться; нарциссические личности с чувством собственной грандиозности; люди, расценивающие обращение за помощью как собственную несостоятельность; одарённые люди, которым в детстве всё давалось легко и которые расценивают ситуации, требующие значительных усилий, как свою некомпетентность.

Ряд исследователей отмечают определённую пользу феномена самозванца, указывая на его функцию своеобразного драйвера личностного и профессионального развития, а также – стабилизатора картины мира для человека [18]. Мы полагаем, что с таким положением можно согласиться лишь до определённой степени. При ярко выраженных проявлениях феномена самозванца и отсутствии механизмов их контроля вся польза рассматриваемого феномена будет, вероятно, сведена к нулю и риск социально-психологической дезадаптации будет преобладать над преимуществами.

Таким образом, мы полагаем, что феномен самозванца целесообразно рассматривать как сложный многофакторный социально-психологический феномен, основой которого выступает внутренний конфликт, обладающий специфической сущностью и существенно повышающий риск дезадаптации личности.

В последнее десятилетие всё чаще феномен самозванца изучается в рамках профессиональной психологии, психологии управления и предпринимательства в контексте развития профессионального потенциала сотрудников и повышения их производительности труда [14]. Но мы полагаем, что в этих случаях речь идёт уже о последствиях проявлений феномена самозванца. Наиболее актуальными, на наш взгляд, являются вопросы, касающиеся его превенции, что указывает на необходимость выяснения влияния условий семейного воспитания на формирование рассматриваемого нами феномена.

Среди различных нарушений семейного взаимодействия исследователи всё чаще упоминают понятие неглекта, сущность которого состоит в систематических действиях или бездействиях родителей, приводящих к неудовлетворению основных возрастных потребностей ребёнка, что в конечном итоге создаёт условия риска нарушения нормального психического развития [7; 19]. В отечественной специальной литературе понятие неглекта отождествляется с понятием пренебрежения и рассматривается в качестве специфического вида насилия [2; 3; 4]. При этом в качестве причин семейного неглекта указываются проблемы в социально-экономическом положении

семьи, маргинальный статус родителей и их личностная незрелость, постоянная занятость взрослых, неадекватность их родительской позиции, практика деструктивных стилей семейного воспитания и т. д. [4; 5; 6; 13; 15].

В современной научной литературе описаны различные формы семейного неглекта в зависимости от того, какими именно потребностями ребёнка родители пренебрегают: безнадзорность и беспризорность, нарушение санитарно-гигиенических условий жизни ребёнка, пренебрежение необходимой медицинской помощью или помощью в образовательном процессе и т. д. Учитывая тот факт, что нормальное психическое развитие ребёнка обусловлено прежде всего его эмоциональным контактом с близкими взрослыми и эмоциональной привязанностью к ним, можно утверждать, что наиболее тяжёлые последствия в отношении психического и психологического здоровья имеет эмоциональный семейный неглект, сущность которого состоит в неспособности родителей полноценно удовлетворять эмоциональные потребности ребёнка.

Очевидно, что последствиями пренебрежения эмоциональными потребностями ребёнка будут выступать различные нарушения его психического развития: трудности в освоении учебной деятельности; неадекватная самооценка; недостаточное развитие эмоционального интеллекта; трудности социального взаимодействия и различного рода поведенческие девиации [10; 11]; отсутствие навыков целеполагания, планирования, эмоциональной и поведенческой саморегуляции, принятия решений [2; 3; 13]; трудности с самоидентификацией [12]; проблемы вербализации собственного эмоционального состояния и развития рефлексии и т. д. [6; 8; 9; 15; 20]. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о множественном негативном влиянии эмоционального семейного неглекта на развитие личности и её дальнейшую жизнь в целом.

Всё вышесказанное позволяет предположить, что воспитание в условиях эмоционального семейного неглекта существенно повышает риск возникновения и развития широкого спектра психологических характеристик, составляющих феномен самозванца. В связи с этим целью настоящего исследования выступило изучение степени выраженности феномена самозванца, а также таких интрапсихологических его составляющих, как мотивация достижения успеха, избегания неудачи, социального одобрения и склонность к прокрастинации, у студентов вуза, воспитывающихся в условиях эмоционального семейного неглекта. Учитывая то, что в ситуации эмоционального семейного неглекта создаются условия для деструктивного психического развития, мы предположили, что степень выраженности феномена самозванца, мотивация достижения успеха, избегания неудачи, социального одобрения и склонность к прокрастинации у студентов, подвергшихся эмоциональному неглекту в родительской семье, и студентов, не имеющих такого опыта, будут различаться и иметь определённые особенности.

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическая часть исследования проводилась на базе Забайкальского государственного университета (ЗабГУ). В целом в исследовании участвовали 184 студента третьего и четвёртого курсов различных факультетов. Такой выбор участников исключал влияние адаптационных трудностей (присутствующих, в частности, у студентов первого курса), а также определённой специфики учебно-профессиональной деятельности по определённым направлениям подготовки на изучаемые нами показатели.

Определённая сложность исследования была связана с практическим отсутствием методологических основ и валидного психодиагностического инструментария для выявления ситуации эмоционального семейного неглекта. Данная проблема решалась применением метода анкетирования с разработкой авторской анкеты, позволяющей идентифицировать ситуацию эмоционального семейного неглекта. Для выявления в семье признаков пренебрежения эмоциональными потребностями использовались вопросы следующего характера: «Можете ли Вы согласиться с утверждением, что в Вашей семье родители систематически или довольно часто не оказывали необходимой Вам эмоциональной поддержки и помощи?», «Можете ли Вы согласиться с утверждением, что в Вашей семье родители систематически или довольно часто не слушали или не слышали Вас, не принимали Вас или Ваш выбор?», «Можете ли Вы согласиться с утверждением, что в Вашей семье родители систематически или довольно часто избегали похвалы в Ваш адрес и обесценивали Ваши успехи и достижения?» и т. д.

После анализа результатов анкетирования со студентами было проведено индивидуально-экспресс-собеседование с целью уточнения правильного понимания сущности заданных в анкете вопросов. При этом выяснилось, что 42,6% участников, в жизни которых были выявлены признаки эмоционального семейного неглекта, не вполне адекватно оценивают данную ситуацию, считая отношения с родителями «вполне нормальными». Другие 57,4% участников исследования, в жизни которых присутствовали признаки эмоционального семейного неглекта, назвали отношения с родителями негативными, плохими и конфликтными. По результатам анкетирования и с учётом необходимости обеспечения сопоставимости сравниваемых групп по возрасту, полу, социальным параметрам семьи и образовательным условиям была сформирована выборка исследования. Выборку составили две группы участников: в первую группу вошли 59 студентов, воспитывающихся в условиях эмоционального семейного неглекта, во вторую – 57 студентов, не имеющих такого опыта. Студенты, анкеты которых были испорчены, а параметры сопоставимости не соответствовали необходимым требованиям, были исключены из исследования.

На этапе основного эмпирического исследования использовался метод психодиагностического тестирования. В качестве измеряемых показателей нами были определены степень выраженности феномена самозванца, а также уровни мотивации социального одобрения, достижения успеха и избегания неудач, склонность к прокрастинации. Данные интрапсихологические показатели были выбраны нами для изучения в силу того, что они выступают характерными признаками, входящими в состав феномена самозванца, и описаны в этом качестве большинством исследователей [1; 14; 16; 17; 18]. Кроме того, мы считаем, что изучение именно этих психологических составляющих феномена самозванца является особенно актуальным, т. к. именно их определённое состояние может существенно повышать риск социально-психологической дезадаптации.

В ходе психодиагностического тестирования использовались: методика оценки выраженности синдрома самозванца П. Клэнс; методика диагностики мотивационной направленности личности на достижение успеха и методика диагностики мотивационной направленности личности на избегание неудач Т. Элрса; шкала оценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна; шкала общей прокрастинации С. Лэй. При выборе психодиагностического инструментария мы руководствовались прежде всего требованиями его надёжности и валидности. Кроме того, мы учитывали доступность для понимания участниками исследования контекста вопросов используемых методик, что подтверждается широким практическим применением их в психодиагностической практике. Математико-статистическая обработка результатов исследования осуществлялась посредством применения непараметрического критерия достоверности различий U Манна-Уитни, что обуславливалось объёмом выборки исследования и предназначением данного критерия для оценки различий по степени выраженности анализируемого признака между двумя несвязанными выборками.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Качественно-содержательный анализ результатов исследования позволил выяснить, что в группе студентов, имеющих опыт эмоционального семейного неглекта, у 92,6% участников было выявлено наличие феномена самозванца. При этом очень высокая степень выраженности данного феномена была констатирована в 58,5% случаях, высокая – в 21,8%, средняя – в 11,2%, а низкая – только в 1,1% случаев. В отношении мотивационных тенденций студентов с опытом эмоционального семейного неглекта обнаружилось следующее. Мотивация достижения успеха характеризовалась у них преимущественно низким (68,4%) и средним (26,2%) уровнями, а умеренно высокий её уровень был выявлен лишь в 5,4% случаев. Необходимо отметить, что высокий уровень мотивации достижения успеха в данной группе участников не

был выявлен вовсе. Мотивация избегания неудачи в данной группе характеризовалась, наоборот, преимущественно очень высоким (57,3%), высоким (32,6%) и средним (10,1%) уровнями, а низкий уровень данной мотивации не был выявлен. Мотивация социального одобрения в данной группе участников была выявлена преимущественно на высоком уровне (84,7%), а средний и низкий уровни её выраженности составили лишь 12,4% и 2,9% случаев соответственно. Склонность к прокрастинации у студентов с опытом эмоционального семейного неглекта была констатирована преимущественно на очень высоком (52,8%), высоком (21,9%) и среднем (18,6%) уровнях, при этом низкий и очень низкий уровни данной склонности были отмечены только в 4,3% и 2,4% случаев соответственно.

В группе студентов, не имеющих опыта эмоционального семейного неглекта, феномен самозванца был выявлен только у 28,7% участников. При этом очень высокая и высокая степени его выраженности были отмечены только в 2,6% и 6,8% случаях соответственно. При этом преимущественной степенью выраженности данного феномена стала низкая и средняя (75,4% и 15,2% случаев соответственно). Мотивация достижения успеха характеризовалась у студентов данной группы преимущественно умеренно высоким (43,6%) и высоким (32,4%) уровнями, а средний и низкий уровни данной мотивации были выявлены лишь в 15,4% и 8,6% случаев соответственно. Мотивация избегания неудачи у участников данной группы характеризовалась преимущественно средним (57,3%) и низким (36,5%) уровнями, а высокий и очень высокий её уровни составили лишь 4,1% и 2,1% случаев соответственно. Мотивация социального одобрения в данной группе участников была выявлена преимущественно на низком уровне (64,8%), а средний и высокий её уровни были констатированы лишь в 22,5% и 12,7% случаев соответственно. У студентов, не имеющих опыта эмоционального семейного неглекта, склонность к прокрастинации была выявлена преимущественно на очень низком, низком и среднем уровнях (38,6%, 32,8% и 28,6% соответственно), а высокий и очень высокий уровень данной склонности не были зафиксированы вообще.

В ходе математико-статистической обработки результатов исследования были выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,01$) всех сравниваемых показателей: степени выраженности феномена самозванца, уровней мотивации достижения успеха, избегания неудачи и социального одобрения, а также уровня склонности к прокрастинации. Результаты сравнения характеристик в двух группах участников представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты сравнения изучаемых показателей /
Results of comparison of the studied indicators

Сравниваемые показатели	Значения Уэмп. (U крит. = 1259, p = 0,01 U крит. = 1383, p = 0,05)
Степень выраженности феномена самозванца	818,5
Уровень мотивации достижения успеха	1134
Уровень мотивации избегания неудач	1016
Уровень мотивации социального одобрения	934,5
Уровень склонности к прокрастинации	922

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о существенных различиях в степени выраженности феномена самозванца, уровнях мотивации достижения успеха, избегания неудач, социального одобрения и склонности к прокрастинации в сравниваемых группах участников исследования. При этом частота встречаемости феномена самозванца у студентов, переживших эмоциональный семейный неглект, существенно превосходит таковую у студентов, не имеющих соответствующего опыта. Таким образом, полученные результаты подтверждают наличие множественного негативно-го влияния эмоционального семейного неглекта на развитие личности, и в частности на создание условий высокого риска возникновения и дальнейшего развития феномена самозванца. К условиям, создающим такой риск, по результатам применяемой нами анкеты можно отнести низкий уровень эмоциональной поддержки родителей, проблемы с эмоциональной привязанностью в семье, обесценивание, деструктивные способы и методы взаимодействия с ребёнком, исключаящие адекватную похвалу, принятие и доброжелательное участие в его жизни, отказ ребёнку в праве на ошибки. Очевидно, что логичным следствием и постоянными спутниками развития личности в таких условиях становятся страх ошибок и неудач при неудовлетворённой потребности в безусловном принятии и одобрении, а в дальнейшем – неадекватная самооценка, негативное самоотношение, невозможность адекватного восприятия объективной похвалы или другой положительной обратной связи, а также чувство вины за успех.

Результаты исследования демонстрируют практически диаметрально противоположные мотивационные тенденции студентов, воспитывающихся в условиях эмоционального семейного неглекта, и студентов из семей без его признаков. Так, у студентов, переживших эмоциональный неглект в родительской семье, были констатированы преимущественно низкий и средний

уровни мотивации достижения успеха, но при этом очень высокий и высокий уровни мотивации избегания неудач, а также высокая мотивация социального одобрения. У студентов же с отсутствием опыта эмоционального семейного неглекта были выявлены преимущественно умеренно высокий и высокий уровни мотивации достижения успеха, средний и низкий уровни мотивации избегания неудач и низкий уровень мотивации социального одобрения. Такое положение дел подтверждает данные целого ряда исследований других авторов, результаты которых демонстрируют то, что условия неудовлетворения эмоциональных потребностей неизбежно ведут к нарушениям психологического здоровья личности, последствиями которых являются проблемы эмоционального и ценностно-мотивационного её развития. В контексте настоящего исследования среди таких проблем можно отметить состояние мотивационных тенденций студентов, имеющих опыт эмоционального семейного неглекта. Преобладание мотивации избегания неудачи над мотивацией достижения успеха, а также высокая потребность в социальном одобрении могут выступать основой для целого ряда негативных моментов в жизни этих студентов: развития неадекватной самооценки и негативного самоотношения, проблем в процессе учебно-профессиональной деятельности, снижения социальной активности из-за страха ошибок и неудач, трудностей эмоциональной и поведенческой саморегуляции, затруднений в постановке жизненных целей и принятии жизненно важных решений и т. д.

Полученные нами результаты обнаружили у студентов, воспитывающихся в условиях эмоционального семейного неглекта, существенно более высокую склонность к прокрастинации по сравнению со студентами, которые воспитывались в семьях без признаков эмоционального неглекта. Данный факт, очевидно, выглядит достаточно логичным с учётом того, что описанный целым рядом исследователей так называемый цикл самозванца включает в себя прокрастинацию как стратегию снижения тревоги в отношении выполнения поставленных задач. Возможно, неоднократное прохождение цикла самозванца способствует закреплению стратегии прокрастинации, которая постепенно становится привычной и трансформируется в устойчивую личностную черту. Деструктивный характер стратегии прокрастинации, в свою очередь, может способствовать возникновению неуверенности в себе и своих силах, усилению мотивации избегания неудач, появлению чувства вины и т. д. Мы полагаем, что при постоянно возрастающих требованиях общества к мобильности и адаптивности личности при расширении спектра её коммуникативных взаимодействий у современного человека прокрастинация выступает препятствием для его социально-психологической адаптации и существенно снижает его адаптационный потенциал.

Таким образом, можно заключить, что среди студентов, воспитывающихся в условиях эмоционального семейного неглекта, частота встречаемости феномена самозванца значительно выше, а состояние таких их психологиче-

ских характеристик, как мотивация достижения успеха, избегания неудачи, социального одобрения и склонность к прокрастинации, свидетельствует о существенных проблемах в психическом развитии, во многом препятствующих социально-психологической адаптации в условиях развития современного общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие обобщения и выводы:

1. частота встречаемости феномена самозванца у студентов, имеющих опыт эмоционального семейного неглекта, выше, чем у студентов с отсутствием такового;

2. степень выраженности феномена самозванца у студентов, переживших эмоциональный семейный неглект, выше, чем у студентов, воспитывающихся в семьях без признаков такового;

3. для студентов, воспитывающихся в условиях эмоционального семейного неглекта, характерны преимущественно низкий уровень мотивации достижения успеха, высокий уровень мотивации избегания неудач и социального одобрения, а для студентов из семей с отсутствием признаков неглекта – высокий и средний уровни мотивации достижения успеха, низкий уровень мотивации избегания неудач и социального одобрения;

4. студенты с опытом эмоционального семейного неглекта характеризуются высоким уровнем склонности к прокрастинации, в то время как для студентов, не имеющих опыта эмоционального неглекта, характерен низкий уровень данной склонности;

5. в специальную психолого-педагогическую работу со студентами, пережившими эмоциональный семейный неглект, целесообразно включение вектора её направления на снижение степени выраженности феномена самозванца и оптимизацию его интрапсихологических составляющих.

Усложнение условий развития в современном информационном обществе диктует необходимость повышения адаптационных возможностей человека. Именно поэтому проблема эмоционального семейного неглекта и его последствий, крайне неблагоприятных для развития адаптационного потенциала личности, остаётся актуальной, социально значимой и требует дальнейшего изучения.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.09.2023

Статья размещена на сайте: 27.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгакова Л. И. «Синдром самозванца»: история возникновения термина, основные концепции и их трансформация // Психология и психотерапия семьи. 2018. № 3. С. 30–37.
2. Катан Е. А. Использование международного опросника неблагоприятного детского опыта для выявления психотравмирующих факторов в детском и подростковом возрасте // Медицинская психология в России. 2019. Т. 11. № 2. С. 2–8.
3. Катан Е. А. Жестокое обращение и пренебрежение в детстве определяют отдаленные последствия для психического и физического здоровья взрослых // Оренбургский медицинский вестник. 2020. Т. 8. № 3. С. 15–22.
4. Ковалев А. В., Скоблина Н. А., Кеменева Ю. В. Особенности состояния здоровья школьников, нуждами которых пренебрегают // Тихоокеанский медицинский журнал. 2019. № 4. С. 83–87.
5. Лотова И. П. Диагностика жестокого обращения с детьми как начальный этап формирования ответственного родительства // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2016. Т. 11. № 2. С. 178–185.
6. Медико-социальные критерии диагностики жестокого обращения с хронически больными детьми в семье / Т. В. Свиридова, С. Б. Лазуренко, М. С. Ртищева, А. М. Герасимова, Н. Н. Павлова // Российский педиатрический журнал. 2018. № 21. С. 216–220.
7. Митрухина С. В., Слюсарь Е. С. Феномен неглекта в социальной работе // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2021. № 3. С. 46–51.
8. Ожигонова Г. В. Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к исследованию // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социоконетика. 2018. № 4. С. 56–60.
9. Проблемы изучения феномена алекситимии в психологии / Н. А. Потапова, Р. А. Грехов, Г. П. Сулейманова, Е. И. Адамович // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2016. № 2. С. 65–73.
10. Реан А. А., Коновалов И. А. Дисфункциональная семья как фактор агрессивного поведения подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 292–300.

11. Реан А. А., Коновалов И. А. Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи // Национальный психологический журнал. 2019. № 1. С. 23–32.
12. Рождественская Н. А., Можаровский И. Л., Макарян В. В. Связь личностной и профессиональной идентичности у старшеклассников // Национальный психологический журнал. 2018. № 1. С. 38–49.
13. Симатова О. Б. Способность к вербализации эмоционального состояния и рефлексии старшеклассников, воспитывающихся в условиях неглекта // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2023. № 208. С. 210–220.
14. Шевелева М. С. Феномен самозванца: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 2. С. 116–124.
15. Шмарион П. В. Самовоспроизводство насилия в семье в отношении несовершеннолетних // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 2. С. 164–327.
16. Chakraverty D. PhD Student Experiences with the Impostor Phenomenon in STEM // International Journal of Doctoral Studies. 2020. Vol. 15. № 1. P. 159–180.
17. Clance P. R., Imes S. A. The imposter phenomenon in high achieving women: Dynamics and therapeutic intervention // Psychotherapy: Theory, Research & Practice. 1978. Vol. 15. № 3. P. 241–247.
18. Commentary: Prevalence, predictors, and treatment of imposter syndrome: A systematic review / D. M. Bravata, D. K. Madhusudhan, M. Boroff, K. O. Cokley // Journal of Mental Health & Clinical Psychology. 2020. Vol. 4. № 3. P. 12–16.
19. Hildyard K. L., Wolfe D. A. Child neglect: developmental issues and outcomes // Child Abuse and Neglect. 2002. Vol. 26. № 6. P. 679–695.
20. Krystal H. Alexithymia and the effectiveness of psychoanalytic treatment // International journal of psychoanalytic psychotherapy. 1983. № 9. P. 353–378.
21. Simmons D. Impostor syndrome, a reparative history // Engaging Science, Technology, and Society. 2016. № 2. P. 106–127.

REFERENCES

1. Bulgakova L. I. ["Impostor phenomenon": the origin of the term, the basic concepts and their transformation]. In: *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i* [Family Psychology and Psychotherapy], 2018, no. 3, pp. 30–37.
2. Katan E. A. [Using the International Questionnaire of Adverse Childhood Experiences to identify psychotraumatic factors in childhood and adolescence]. In: *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2019, vol. 11, no. 2, pp. 2–8.
3. Katan E. A. [Abuse and neglect in childhood have far emerging consequences for mental and somatic health for adults]. In: *Orenburgskii meditsinskii vestnik* [Orenburg medical herald], 2020, vol. 8, no. 3, pp. 15–22.

4. Kovalev A. V., Skoblina N. A., Kemeneva Yu. V. [Characteristics of health of neglected schoolchildren]. In: *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal* [Pacific medical journal], 2019, no. 4, pp. 83–87.
5. Lotova I. P. [Diagnosis of child abuse as the initial stage of formation of responsible parenthood]. In: *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogicheskie nauki* [Uchenye zapiski of Transbaikalian state university. Pedagogical sciences], 2016, vol. 11, no. 2, pp. 178–185.
6. Sviridova T. V., Laxurenko S. B., Rtishcheva M. S., Gerasimova A. M., Pavlova N. N. [Medico-social criteria for diagnosing cruelty to chronically ill children in the family]. In: *Rossiiskii pediatricheskii zhurnal* [Russian Pediatric Journal], 2018, no. 21, pp. 216–220.
7. Mitrukhina S. V., Slyusar E. S. [On neglect phenomenon in social work]. In: *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanova], 2021, no. 3, pp. 46–51.
8. Ozhiganova G. V. [Reflection, reflexivity and higher reflective abilities: research approach]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2018, no. 4, pp. 56–60.
9. Potapova N. A., Grekhov R. A., Suleymanova G. P., Adamovich E. I. [Problems of studying alexithymia phenomenon in psychology]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11: Estestvennye nauki* [Science journal of Volgograd state university. Natural sciences], 2016, no. 2, pp. 65–73.
10. Rean A. A., Konovalov I. A. [Dysfunctional family as a factor of adolescents' aggressive behavior]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 8, pp. 292–300.
11. Rean A. A., Konovalov I. A. [Manifestation of the aggression in adolescents depending on gender and socio-economic status of the family]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2019, no. 1, pp. 23–32.
12. Rozhdestvenskaya N. A., Mozharovsky I. L., Makaryan V. V. [Relationship of personal and professional identity in high school students]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2018, no. 1, pp. 38–49.
13. Simatova O. B. [Reflection and verbalization of emotions in neglected adolescents]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences], 2023, no. 208, pp. 210–220.
14. Sheveleva M. S. [Impostor phenomenon: an overview of foreign studies]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology], 2023, vol. 12, no. 2, pp. 116–124.

15. Shmarion P. V. [Self-reproduction of domestic violence]. In: *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment], 2017, vol. 25, no. 2, pp. 164–327.
16. Chakraverty D. PhD Student Experiences with the Impostor Phenomenon in STEM. In: *International Journal of Doctoral Studies*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 159–180.
17. Clance P. R., Imes S. A. The imposter phenomenon in high achieving women: Dynamics and therapeutic intervention. In: *Psychotherapy: Theory, Research & Practice*, 1978, vol. 15, no. 3, pp. 241–247.
18. Bravata D. M., Madhusudhan D. K., Boroff M., Cokley K. O. Commentary: Prevalence, predictors, and treatment of impostor syndrome: A systematic review. In: *Journal of Mental Health & Clinical Psychology*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 12–16.
19. Hildyard K. L., Wolfe D. A. Child neglect: developmental issues and outcomes. In: *Child Abuse and Neglect*, 2002, vol. 26, no. 6, pp. 679–695.
20. Krystal H. Alexithymia and the effectiveness of psychoanalytic treatment. In: *International journal of psychoanalytic psychotherapy*, 1983, no. 9, pp. 353–378.
21. Simmons D. Impostor syndrome, a reparative history. In: *Engaging Science, Technology, and Society*, 2016, no. 2, pp. 106–127.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Симатова Оксана Борисовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования Забайкальского государственного университета; e-mail: asimatov@mail.ru

Oksana B. Simatova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology of Education, Transbaical State University; e-mail: asimatov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Симатова О. Б. Феномен самозванца у студентов вуза, имеющих опыт эмоционального семейного neglecta // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Simatova O. B. The impostor phenomenon in higher education students with an experience of emotional family neglect. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru